

Приложение восьмое :

Дополнение к главе XIII Союзной Конституции: правила об участии духовенства в регистрации: о новорожденных, о бракосочетаниях и бракоразводах, и об умерших, —

— будут опубликованы дополнительно.

ОТ РЕДАКЦИИ: Заканчивая в настоящем номере печатание проекта Конституции Казаккии, можем повторить еще раз то, что говорили уже, начиная его печатание: целью нашей, при этом, является дать возможность всем вольным казакам более конкретно высказаться на тему о том, какой же именно Казаккии они хотят. Пусть все те, кто найдут недостатки предлагаемого проекта, укажут на них; пусть те, кто может предложить проект лучший, предложат его. Повторяем: честной критики противников не боимся; здоровую критику вольных казаков — используем; зубоскалам отвечать не будем, а сами сделаем все для того, чтобы в результате возможной дискуссии, исправить и усовершенствовать в наибольшей мере предложенный проект. Не будем скрывать, что конечным нашим желанием в данном случае является желание не только формулировать основную часть вольно-казачьей программы в форме проекта основных законов будущей Казаккии, но и сделать так, чтобы первый Верховный Союзный Круг освобожденного Казачества имел готовым наиболее совершенный проект Конституции Союзного Казачьего Государства.

Еще раз: всякое искреннее желание придти на помощь в общей работе будет принято во внимание; всякое предложение, направленное к исправлению или улучшению предлагаемого проекта, будет рассмотрено и надлежаще использовано. С этими словами мы и отдаем его на суд вольных казаков.

Шамба Балинов.

Чем стало Казачество.

(Окончание).

Положение Казачества было настолько подавленное, права его настолько урезаны, сами казаки настолько терроризированы, что, можно сказать, только и думали: „не до жиру, быть бы живу“. Но тем не менее царское правительство так подозрительно относилось к казакам, всюду, в каждом шаге и слове казака подозревая „сепаратизм“, „автономизм“, что даже такой благонамереннейший человек, как атаман ген. Иловайский, показался подозрительным по „сепаратизму“ и он царским указом (7 июля 1827 года) был уволен, а на его место назначен первый „наказный атаман“, ген. Кутейников.

Единственным „преступлением“ уволенного Иловайского, преданного суду и судом осужденного, явилась его чисто деловая критика проекта „Положения“, выработанного Комитетом Чернышевского. По мнению Иловайского, меры намеченные в „Положении“, оказались — „одни недостаточными, другие несколько несообразными с порядком вещей или противоречащими пользам края нашего; иные же вовсе невозможными в исполнении“. Поэтому он полагал, что прежде чем „приступить к сочинению закона“ для Края, нужно поставить вопрос — „что именно в существующем порядке вещей нужно дополнить, изменить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правам народа“, нужно поставить и разобрать вопрос „об обычаях, и мевших на Дону силу закона“...

Для русского правительства достаточно было этих слов, чтобы отстранить автора их от атаманства и предать суду! Вместе с ним пострадал и В. Д. Сухоруков, по характеристике пр. Сватикова, „один из высокообразованнейших и талантливых Донцов своего времени“, вдохновивший Иловайского составить свою „Записку“, а м. б., даже написавший ему ее. Сухорукова, предварительно отобрав у него все рукописи его научных трудов по истории казачества, затем гоняли в течение более 10 лет (1827-1839) по разным стоящим на крайних строевым частям, не давая ему возможности оставаться долго на одном месте. И только, когда здоровье его окончательно расстроилось, выпустили его в отставку и он умер в 1846 году.

Но и новый „наказный атаман“ ген. Д. Е. Кутейников, по определению Сватикова, „реакционный и подлобострастный исполнитель велений Чернышевского“, в конце-концов тоже не угодил начальству и по „со-

вету“ того же Чернышевского, вынужден был просить отставку и получил ее 10 фев. 1836 года. Не угодил он „хозяевам“, очевидно, потому, что не сумел искривить на Дону „оппозиционное настроение“, выразившееся в том, что когда 1 января 1836 года состоялось „торжественное“ провозглашение „Положения“, выработавшегося в течение 17-ти лет „Комитетом Чернышевского“, созданным в 1819 г. по инициативе ат. Денисова, — казаки не выявили „восторга своего и пламенной признательности к благодетельному отцу отечества“, а из присутствовавших на „Войсковом Кругу“, „после произнесения от сенаторов речи, не нашлись или справедливее не хотели сказать ни одного слова“. Это, конечно, для „отца отечества“ было скандалом.

В сущности, этим — моментом вхождения в силу „Положения“ 1835 года — должно и закончиться мое сообщение, ибо этот момент ясно и точно отвечает на поставленный нами вопрос „Чем стало Казачество“. Этот ответ, по авторитетному утверждению пр. Сватикова, заключается в следующем:

„Благодаря „Положению“ 1835 года, казак, формально — вольный, стал военно-крепостным российскому государству, слугою самодержавной власти, охранителем старого государственного и общественного строя на Руси. Вся жизнь казака, как на службе, так и дома, опутана была огненными параграфами николаевского закона и предписаниями военно-административного начальства. Положение 1835 года оформило начавшееся в 1721 году закрепощение вольного казачества государству и, особенно, царю“...

Таким образом, некогда вольный казак, поборник свободы и равноправия, гражданин независимой Донской Республики, к этому времени, в силу долгого и жестокого насилия (духовного и физического!), в борьбе за казачьи идеалы пролив потоки казачьей крови, вынужден был утратить все свои гражданские права и остаться лишь с единственным правом — „привилегией“ — беспрекословно и безоговорочно, поголовно и до конца жизни своей служить „матушке-России“ на свои средства! Я говорю „до конца жизни“, ибо казак и по окончании службы, вернувшись на Дон, не имел права покидать его пределы и работать вне Дона без разрешения „строевого начальства“. В этом отношении дело доходило так далеко, что даже казачке при-

казано было не иметь сердечных влечений, ибо она лишена была права выходить замуж за постороннего!

Собственно на этом можно было бы закончить. Но я хочу привести еще несколько выдержек из трудов некоторых авторов (имейте в виду — я умышленно не пользуюсь цитатами из статей вольных казаков, чтобы наши противники из казаков не разводили дурного вкуса демагогию!), чтобы хоть кратко ответить на естественный вопрос: что же было у казаков к последнему моменту?

У них было:

1. В отношении политическом: „вплоть до революции 1917 года Казачество продолжало быть полукрепостным служилым сословием. Это видно из тех условий, которыми было обставлено передвижение казака с места на место, даже во время состояния на льготе (что соответствовало в запасе армии)“ (Св.).

2. В отношении даже местного самоуправления: в сущности, этого самоуправления вовсе уже не было, а была только одна видимость, фикция. Для усиления этого, достаточно сказать, что станичные общества не имели права производить никаких расходов без утверждения окружных атаманов. Другое — станичное общество (сбор) в сущности не имел права выбирать себе атамана, а выбирало только трех кандидатов, из которых один утверждался, вернее назначался наказным атаманом. А по закону 1891 года окружной атаман имел право „удалять от должности всех лиц общественного управления, не исключая, в особо уважительных случаях, и станичного атамана“. А войсковой атаман имел право „назначать станичного или хуторского атамана в станицы (или хутора), где „особенно беспорядочно ведутся дела общественного управления“, а также временно приостанавливать действия станичных или хуторских сборов, „с тем, что все права и обязанности таковых сборов переходят на станичного или хуторского (назначенного) атамана“ (Сватиков).

Как видите, никакого местного самоуправления не было, кроме фальсификации. Проф. Сватиков по поводу казачьего местного самоуправления справедливо напишет следующее: „нужно огдать справедливости авторам закона 1891 года. Они попытались связать некогда вольное казачество по рукам и ногам. Мало было для казачества тяжелой военной службы. Показалось необходимым уничтожить остатки станичного самоуправления, ввести худшую форму круговой поруки, подчинить казака и в станичном быту действию военной дисциплины. Служилое казачество стало военнокрепостным“... А член Гос. Думы Петровский в своей думской речи скажет, что правительство обманывает Казачество „видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками воинской дисциплины, пугило казачество против освободительного движения“...

3. В отношении несения службы: „к началу XX ст. воинская повинность казачества была в 3½ раза тяжелее воинской повинности населения империи и неказачьего населения Области: вместо 21,1% призывного возраста из казаков привлекалось на службу 74,5%. Если же сосчитать и материальные жертвы казачества, то повинность его была тяжелее в 153 раза“.

А Донской депутат А. А. Назаров в своей думской речи сказал, что „по подсчетам, сделанным в апреле 1912 года, донской казак в течение своей службы терял из собственных средств 1.303 руб. 50 коп.“...

Тысяча триста три рубля! Легко сейчас нам эту цифру произнести, но каково то было казаку все это выкладывать на стол! Ведь это, при тогдашней цене пары быков в 150 руб., целое хозяйство! Такую жертву материальную приносили казаки „матушке-России“ одной своей службой! Где и в каком государстве вы увидите такое явление!

О тех огромных, буквально казачье хозяйство истощавших, личных материальных затратах казаков, в связи с несением службы, а также затратах станичных обществ, прекрасную статью, построенную исключительно на цифровых данных и прекрасном знании вопроса, написал старый донской вахмистр Афонин („В. К.“, № 84-5), бывший 12 лет атаманом одной из самых больших донских станиц и три года смотрителем ста-

ничного плодового табуна, на счет которого донской писатель-поэт Крюков когда-то с душевной горечью выразился: „войсковая администрация у казаков начинается наказным атаманом и кончается станичным жеребцом“!

Совершенно понятно, что эта материальная тяжесть, связанная со службой, казаков буквально разоряла, многие из них в конце концов не в состоянии были „справлять на службу“ последующих сыновей. В предотвращении такого ущерба государству, русское правительство законом 1891 года ввело обязательную круговую поруку станичного общества „за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей и пополнения недоимок, числящихся на обществе“. При этом предоставило станичному обществу „право принимать ряд принудительных мер по отношению к отдельным членам общества, замеченным в расточительности (!) и неисправным в отбывании повинностей и уплате долгов в войсковые и общественные суммы“.

Какие же были эти меры? Были они следующие: „распоряжение доходом с принадлежащего казаку имущества; отдача казаков в посторонние заработки и распоряжение в работанными ими суммами; назначение к неисправным казакам опекунов; в случае нужды, продажа движимого и недвижимого имущества неисправных казаков и ограничение для них (на известный срок) права распоряжения их паями с передачей этого распоряжения в руки станицы“ (Св.).

„Таким образом, — пишет проф. Сватиков, — введение по закону круговой поруки... знаменовало собою закрепощение казачества государству и общине в самой худшей форме его. Такова была благодарность метрополии за верную многовековую боевую службу казачества“!

Так обстояло дело в отношении несения военной службы.

4. В отношении денежно-финансовом: по выражению В. А. Харламова (речь его в Гос. Думе), Дон представлял из себя „в денежном отношении государство в государстве“, т. е. своего рода „самостоятельность“, „независимость“, но самостоятельность такого свойства, какую кажется имел в виду татарин, когда он говорил в адрес большевиков: „корова наша — молоко ваше; курица наша — яйцо ваше“... Казаки на свои средства содержали почти все учреждения общегосударственного характера на Дону. По этому поводу Харламов в своей думской речи говорил: „на эти казачьи капиталы, казаки содержат себя, суды и тюрьмы, куда их сажает; все учреждения гражданского управления; уплачивают жалованье льготным офицерам; уплачивают на содержание военно-учебных заведений; уплачивают и пенсии офицерам и чиновникам из этого капитала; донские казаки уплачивают и дополнительное жалованье в 18 000 руб. своему атаману и т. д. Я спрошу, — восклицает Харламов, — где, в какой стране есть такое положение, чтобы маленькая часть населения, одна губерния, содержала себя целиком?“

Это существовавшее тогда положение как раз является хорошим ответом на те современные противосамостоятельные аргументы, сводящиеся к тому, что при независимости Казачество, мол, не выдержит всех материальных тягот по содержанию государственного аппарата. В том то и беда, что Казачество на свои средства уже содержало очень долгое время чужих начальников над собой, тратя казачьи миллионы!

В другой своей думской речи В. А. Харламов говорил, что Казачество несет все траты, которые „во всей остальной империи всецело и целиком ложатся на средства общегосударственные. Войсковой капитал содержит и Войсковой штаб, и артиллерию с жалованьем и довольствием, казаков с покупкою и содержанием лошадей и т. п.; он содержит арсеналы, склады оружия, оружейные мастерские, местные войска, местные команды; льготные строевые части и учебные сборы; военно-учебные заведения, юнкерские училища, фельдшерские и военно-ремесленные школы и т. п. Далее войсковой капитал несет на себе и все управления областью — гражданское и полицейское“...

Как видите, полная финансовая „независимость“ Дона, против чего не возражали русские „патриоты“, ибо эта „независимость“ шла на поддержание той силы, которая давила казаков, жала в тиски бездушного русского централизма, загоняла казачью свободу в „манеж...“

5. В отношении культурного развития: „в результате правительственной политики в области просвещения, в 1901 году на Дону было только 36,8% грамотных среди казачьего населения“, — пишет проф. Святиков. А Харламов в своей думской речи объясняет, почему так случилось и скажет, что в правительственной казачьей политике над всеми вопросами культурного и экономического развития казачества довлела „военная дисциплина, которая ставится военной властью превыше всяких соображений и всяких интересов жизни, главенствует и направляет всю жизнь казачества с детства и до могилы“...

6. В отношении землепользования. В этом вопросе я хочу ограничиться выдержками из статьи Г. И. Карева. „Из общего количества земли (Донского Казачества) в 15 мил. дес., в пользовании станиц находилось 9.479 т. д., в распоряжение Войска (войсковая земля) — 2.142 т. д. и крестьянам — 1.122 т. д.“

Земля донских помещиков образовалась двумя способами (о которых я отчасти выше уже говорил):

а) путем захвата казачьей войсковой старшиной войсковой земли, а позже — и путем „жалования“ русскими царями донских старшин, отличившихся по подавлению казачьей независимости. Например, Екатерин II „пожаловала за что-то полковнику Серебрякову из казачьей войсковой земли так называемый „Кобылянский юрт“, находившийся в Усть-Медведицком округе, где ныне поселена слобода Михайловка, — площадью (сколько вы думаете?)... в 250 тысяч десятин. Войсковое правительство... протестовало против такого бесцеремонного отношения к казачьей собственности. В наказание за такую „дерзновенную“ защиту казачьих интересов, члены Войскового правительства были оштрафованы на 10.000 рублей серебром. Таким порядком отнято было у Войска Донского 1650 т. д. земли“.

б) В 19 в. русское правительство начало наделять за государственную службу донских офицеров и чиновников, выходящих в отставку, вместо денежной пенсии, участками земли, вырезанными из казачьего земельного фонда. До 1870 года эти участки являлись пожизненными, как и сама пенсия, которую они заменяли, или как казачьи земельные пай. В 1870 г. Александр II, в воздаяние „за верную 300-летнюю службу Донских казаков России“, пожаловал этим пенсионерам их пожизненные участки в вечное и потомственное владение. Этим путем было отнято у Войска Донского, под предлогом благодарности ему, еще 1791 т. д.“

Удивительный способ жаловать казаков, поистине своеобразная любовь к ним: за их же службу отнимать у них же, кровью добытую землю и дарить отдельным лицам в потомственное владение!

Кроме того, „войсковая земля, площадью в 2.142 т. д., сдавалась в аренду: около одного миллиона десятин было отведено под частное коннозаводство, а остальная часть сдавалась под распашку, главным образом, пришлому не-казачьему населению. Вырученные за аренду войсковых земель деньги расходовались на нужды, которые в остальной России удовлетворялись за счет государственного казначейства; фактически и эти земли временно были отобраны у Донских казаков“.

А для выяснения того, с какой бесцеремонностью разбазаривалось казачье добро, следует обратиться свое внимание на то, что в то время, когда Войско крайне нуждалось в земле, когда казаки некоторых станиц задыхались от малоземелья, в Задонской степи около миллиона десятин прекрасной земли было отдано почти даром донским частным коннозаводчикам, которые в течение первого 25-тилетнего арендного срока (1877-1901) платили годовую арендную плату в ... три копейки за десятину. В это время, рядом, по ту сторону Егорлыка, в Ставропольской губернии, десятина земли сдавалась в аренду — под распашку по 6 руб., а под выпас по 3 рубля в год!

„Итак, за последние два века совместной жизни Дона с Россией русское правительство и опирающаяся на него войсковая старшина изъяли из пользования Донского казачества около 5,7 миллионов десятин, более одной трети всей территории Войска Донского. По своей же ценности, эта земля значительно превышала землю, оставшуюся в распоряжении казаков. Достаточно сказать, что земли Таганрогского или Ростовского округа в 6 раз выше по своему качеству земель 2-го Донского округа. Стоимость отчужденной от казаков земли составляла перед войной капитал в 1.140 мил. руб. золотом, проценты с которого приносили бы 57 мил. руб., а арендная плата — 75 мил. руб. В этот расчет не входит один миллион десятин, отнятый у Войска Донского Петром I“ (Карев).

Если принять все это во внимание, то станет совершенно понятной думская речь Кубанского депутата Бардижа, который говорил, что никто не знает и не хочет знать „какую громадную повинность несет казачество и натурой, и деньгами; какую бы колоссальную сумму пришлось государственному казначейству принять на себя, если бы было уничтожено казачество“...

И недаром другой депутат, забайкальский казак Войлошиков метко охарактеризовал казачью политику русского правительства. Он в своей думской речи сказал, что „называется она (русская казачья политика) не оказанием, а окалпачиванием“.

Безвыходное положение казачества подчеркнул в своей думской речи даже депутат от донских крестьян, Афанасьев, который в своей речи сказал: „да неужели же, господа, вы не понимаете, что его, казака-то, нет в настоящее время (в станицах), а есть только казачки и казачата?!.. Господа, вы кидаете этим (отношением к казачьим вопросам) казакам целыми комками грязи в глаза... Рубите тому орлу крылья, под которым хранится ваше состояние“...

Таково было положение и состояние Казачества к последнему моменту, по свидетельствам людей, далеких от самостоятельности.

Следует еще привести краткие выдержки из думской речи донского писателя — поэта, Ф. Д. Крюкова, который в Думе говорил: „казак дорожит своим званием, ибо в прошлом у него была полная, свободная жизнь широкой удали, та совокупность прав личности, которых теперь добивается русский народ“... А затем Крюков рисует, чем стал этот вольный казак под материнской опекой „матушки-России“: „даже в домашней жизни, в мирной обстановке, казак не должен забывать, что он прежде всего нижний чин... и всякий начальник может распечь его за дивильный костюм, за обувь, за шаровары без лампас... Что такое земский начальник в сравнении с нашим военным администратором, для которого закон не писан ни в буквальном, ни в переносном смысле слова... Никакая казарма, никакая солдатская муштра не может идти в сравнение с этим своеобразным воспитательным режимом, сковавшим все существование казака... Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы началственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы... Ему закрыт даже доступ к образованию, ибо невежество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух“...

Такое, политикой правительства созданное положение Казачества возмущало всех, а потому Забайкальский депутат. Войлошиков, в своей думской речи восклицал: „пора давно изменить тот взгляд, что казак — неуч, казак — дикарь есть лучший воин, чем воин культурный“...

Но мы, в утешение себе, можем сказать одно: в сердце этого обнищавшего, насильно от образования и просвещения отстраняемого бесправием казака, как в священном сосуде, благоговейно бережно, как святая святых, хранилась его безграничная любовь к своему „древнему казачьему обыкновению“, не умирая, жило в нем его вековечное желание „возвратиться под свои боевые знамена, чтобы всегда быть готовым для нужд родины“ — Седого Дона!

Об этой казачьей любви к „заветам старины“, о постоянном казачьем политическом стремлении к своей государственной независимости хорошо знали все правители Российской империи. Это знание казачьего политического стремления хорошо выразилось в словах выдающегося русского министра, Лорис-Меликова, сказанные им по вопросу об „опасности разложения России на составные части“ (1884). — „Связь частей России, — говорил Лорис-Меликов, еще очень слаба. И Поволжье и Войско Донское очень мало тянут к Москве“.

Таково было положение Казачества в недалеком прошлом.

Казачья воля была подавлена, казачья слава померкла, казачье героическое и славное прошлое начало забываться. Но, казаки обязаны добыть ту свою Волю, которая, согласно прекрасной казачьей легенде, зарыта под курганом на Дону, скрыта от завистливых глаз врагов и охраняется матерым старым казаком, бдительным Стражем Свободы Казачьей; обязаны казаки свою древнюю славу еще больше возвеличить, свое славное прошлое, с учетом новейших достижений человеческого разума, восстановить!

Пусть сейчас не все казаки загораются Идеей Вольного Казачества, пусть некоторые еще идут против Нее, а некоторые еще продолжают стоять на распутьи двух дорог — Московской и Казачьей — и не знают по какой из них пойти! Пусть! Вольные казаки считают это временным затмением казачьего сознания, глубоким казачьим заблуждением. Они верят, что это тяжелое

наследие двухсотлетнего московского внушения, духовного намордника, скоро пройдет. Верят, что они, если не сегодня, так „завтра“ придут к матери Казакии и устами казачьего поэта Сергея Маргушина, говорят, что —

Пристанут потом к нам все — те,
Кто здесь малодушно молчит,
Кто там краснокровной Москвѣ
Из страха иль рабства пытался служить;
Кто в брата все камнем бросает
И низко клеветает, предательски лжет,
Казакию-мать распинает
И цепи на Вольность Казачью кует...
В едином союзе степных всех народов —
Мы Станом Казачьим одним
Казакии нашей там счастье заложим
И флаг свой Союзный в степях воодрузим.

Смелость — города берет. Вера — горы передвигает. Молодость силу имеет. А вся сознательная казачья молодежь уже примкнула к вольноказачьему освободительному движению, восторженно верит в его торжество и устами молодого казачьего поэта, Бориса Кундюрюкова, единым хором поет:

Победу мы вырвем у нашей судьбы —
Рабами лишь могут быть только рабы...
Не плачьте вы, жены, деды-старики,
Не дрогнут кривые стальные клинки —
Под сенью старинных тяжелых знамен
Отчизны кровавый рассеется сон...

А. Ленивов.

К 14-летней годовщине Степного похода.

Организация вооруженных сил Отряда Вольных Донских казаков и большевиков в Степном походе (12/II-5/V 1918 г.).

„Степной Поход был героическим актом группы Донских патриотов, благодаря которому Дон не сдался целиком большевикам ни на один момент, но был с ними без перерыва в состоянии войны. Степной Отряд это часть Дона“. (Очерк политической истории В. В. Донского. Стр. 70).

К 9-ому февраля 1918 года*) линия фронта в Новочеркасском районе слагалась следующим образом: по железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Звереве — ст. Лихая, большевики занимали: ст. Шахтная — гор. Александровск-Грушевский, причем вооруженные силы последних состояли из следующих формирований (войсковых соединений): 1) 1-ый полк Московской красной гвардии, 2) 3-ий полк Московской красной гвардии, 3) сводный отряд Коломенского района Петроградской красной гвардии, 4) отряд Выборгского района Петроградской красной гвардии, 5) отряд Черноморских матросов (Мокроусов), 6) партизанский отряд Пашенки, 7) конный отряд Свиридова, 8) Дивизион (1, 2, 3 батареи) Харьковской пролетарской артиллерии, 9) 1-ая и 2-ая революционные батареи, 10) железнодорожная батарея морских орудий „Кане“, 11) тяжелый бронепоезд „Черномор“, 12) легкая бронепоездная площадка. Боевой состав всей большевизской группы выражался цифрой в 4½ тысячи штыков, 150-180 сабель при 19 орудиях и нескольких десятках пулеметов; командующим группой являлся прапорщик Юрий Саблин, сын известного московского книготорговца.

На крайнем правом секторе (правее железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Звереве — ст. Лихая) наступал на гор. Новочеркасск, двигаясь по грунтовым дорогам от слободы Ровеньки через слободу Криничную — хутор Дарьевской, отряд красной гвардии местного формирования под командой рабочего Клевцова (до 1000 штыков). Ближе к железнодорожной магистрали, т.-е. между последней и отрядом Клевцова,

наступала колонна каторжника Медведева (1-ый Костромской военно-революционный отряд, 2-ой полк Московской красной гвардии), численностью в 1200 штыков при 60 пулеметах.

Левее железнодорожной магистрали гор. Новочеркасск — ст. Звереве — ст. Лихая, на г. Новочеркасск наступали части 1-ой советской южной армии (1000-1200 штыков) под командой Петрова (подполковник). На крайнем левом секторе, степными дорогами через хут. Ягодин — Мокрый Лог — Керчик, ст. ст. Раздорская — Мелиховская, шла на г. Новочеркасск обходная конная колонна — „Северный революционный казачий отряд“ (10, 27, 44 казачьи полки с 6-ой гвардейской казачьей батареей) под командой войскового старш. Н. Голубова и пом. комиссара Московского военного округа — Пугачевского: боевой состав колонны доходил до цифры 2000 шашек при 4 орудиях.

С оставлением Ростова добровольцами (9 февраля), определилась угроза Новочеркаску и со стороны большевизской группы прапорщика Сиверса (б. редактор „Окопной Правды“, издававшейся на Северном фронте), к которым присоединились большевизские части, подошедшие с Кавказа (112 зап. пехотный полк, части 39-ой пехотной дивизии с артиллерией), плюс большевизская 4-ая кавалерийская дивизия с конной батареей, продвигавшаяся к Новочеркаску через сел. Большие Салы — хутор Каменнобродский.

Главное командование большевизскими войсками, наступающими на Ростово-Новочеркасском фронте, было сосредоточено в руках комиссара Антонова-Овсеенко, ближайшими помощниками коего являлись: прапорщик Юрий Саблин, командовавший большевизскими частями, шедшими на Новочеркасск и прапорщик Сиверс, командовавший большевизскими частями красной гвардии, наступающими на Ростов. Общая численность большевизских войск, находившихся в Новочеркасско-Ростовском районе к 9 февраля 1918 года, достигала приблизительно цифры в 20.000-22.000 штыков и шашек при 62 орудиях и нескольких сотнях пулеметов.

Боеспособность большевизских частей (за малым исключением) не была высокой квалификации, объяснение

*) Все даты — по старому стилю.